

Поэзия и поэтика жизни Владимира Соломоновича Библера (жизнь как произведение культуры)¹

Тищенко П.Д., Институт философии РАН
email:

Нас соединяют с ним не узы научной или даже философской традиции, н звенья школьного преемства, а нечто более легкое, более упругое, но и более прочное — ... нить разговора, его связность, удерживаемая на всех поворотах

С.С. Аверинцев о М.М. Бахтине

Сегодня мы отмечаем столетний юбилей Владимира Соломоновича Библера – философа милостью божией, хотя со Всевышнем у него отношения не сложились. Безусловно – основной источник понимания мыслей ВС, его разума как мыслепорождающего начала – это его опубликованные и ещё неопубликованные произведения. В своём выступлении рискну обратить ваше внимание на особого рода источник – его жизнь, его био-графию как произведение особого рода, в котором, как полагаю, – тайна рождения, а точнее – постоянного воз-рождения ВС как *автора*, как *себя самого*.

ВС весьма скептически относился к попыткам связать те или иные философские идеи с подробностями жизни философов, которые их высказали. Он любил цитировать в этом случае В. Маяковского: «Я поэт – тем и интересен». «Я» (с заглавной буквы) - это тот, кто написал что-то стоящее, кто выступил в качестве автора некоторого произведения перед аудиторией. А то частное лицо (строчное «я»), которое перед выступлением сдало в гардероб пальто и шапку, философского интереса не представляет...

Различие наших перспектив понимания в том, что передо мной не только тексты его произведений, но и особый, завершённый текст им прожитой жизни – его *био-графия*. Текст неполный, содержащий массу лакун. При жизни биография была его частным делом. Существовала в его внутреннем мире как нечто уникальное, принадлежащее этому частному лицу, только ему досконально известное. Всегда можно было спросить – почему и как он что-то сделал. Смерть это частное лицо уничтожает, оставляя лишь местоимение «он» для героя биографии, и «Я» для автора произведений...

В его биографии одновременно присутствует и завораживающая цельность личности, и потрясающие по своей глубине разрывы. ВС относился к тем редчайшим в этом мире людям, которые, отвечая на исторический вызов порой безжалостной и переменчивой судьбы, мог совершить радикальный выбор, или, точнее, пере-выбор

---

¹ Предварительный вариант этого текста опубликован в Электронном философском журнале Vox: <http://vox-journal.org>, Выпуск 24 (июнь 2018) в материалах Круглый стол «Философ и время. К 100-летию со дня рождения В.С. Библера» под заголовком «Биография В. С. Библера как опыт радикального выбора себя»

себя. Подчеркну - не места, средств или жизненных обстоятельств но, именно, - *себя*. Хотя, конечно же, этот выбор себя, как обретение новой «точки» опоры, позволял переопределить жизненный мир в целом со всеми привходящими внешними обстоятельствами. Но в результате, внешняя биографическая канва разрывалась, возникали уходящие к основаниям его человеческого существа трещины и распады...

В своём выступлении остановлюсь на пяти жизненных *перипетиях* ВС. При этом, говоря о его биографии, я буду иметь в виду два источника (в дополнении к его произведениям) – сведения о прожитой им жизни и стихи – его *собственные* и стихи *его* поэтов, ставших «голосом» эпохи в его сознании. Они «персонифицируют ядра нравственных перипетий» (ВС) - основу личностного бытия в горизонте культуры. В предисловии к книге своих стихов (1994 г.) он так оправдывает риск предстать перед читателем не просто как *философ*, но так же и как *поэт*: «Страшно трудно (хотя в XX веке всё более необходимо), чтобы читатель осознал в этом философе – э т о г о индивида, в его случайной, мгновенной, сиюминутной жизни, да ещё в тот момент, когда этот индивид особенно остро и уникально осознаёт впервые-бытие мира; своего Я; насущного Ты...»...

Моя задача обнаружить эту связь, хотя сразу же хочу отметить, что радикальное отличие моей позиции в том, что *онтологической привилегией* обладает для меня не «Я», а «я» - сто лет назад родившееся, любившее женщин, воевавшее на фронте, убивавшее врагов, пившее водку, взахлёб читавшее свои и чужие стихи, мучившееся, что никак не может заставить себя сесть за стол, к статье (личное воспоминание) ... и... умершее. Как будет показано ниже – именно *в его, этого частного лица, усилки и устремленности к бытию (конатусе)* возникали разные экзистенциальные проекты ВС бытия *собой как автором своей био-графии (жизни)*...

Окончание летом 1941 года исторического факультета МГУ практически совпало для ВС с призывом в армию. Судя по пересказам воспоминаний ВС его племянником С. Цлафом (к сожалению, не очень точным)². ВС принял войну как исполнение своего долга. Эта была *его война* не в том смысле, что она ему нравилась, а в том, что он видел внутреннюю необходимость стать воином. Сохранялось и что-то мальчишеское в восприятии войны и себя как воина. Цлаф, со слов самого ВС, свидетельствует, что тот сожалел, что его в СМЕРШе направили на курсы «аналитиков», а не «волкодавов». Последние проходили спецподготовку во всяческих единоборствах... Свободное знание немецкого языка стало причиной его направления на курсы СМЕРШа в группу, специализировавшуюся на борьбе с резидентурой СС. Отзывы с места службы в СМЕРШе аспиранта Библера, имеющиеся в архиве ИФ РАН, свидетельствуют о нём как хорошем, инициативном, пользующимся доверием и уважением у коллег офицере.

Я рассматриваю приятие войны в качестве выбора ВС *себя* постольку, поскольку она (война) раскрывает возможность быть *собой*, небывалую для мирного существования. Мир раскалывается и обнаруживает себя в свете (просвете) жесткого различия на своих и врагов. Максимально уничтожается в человеке чувство ценности личной жизни, требуя от него постоянной и безусловной готовности не просто отдать эту жизнь за Родину, но и совершить массу поступков, которые в ситуации мирной жизни им самим будут справедливо оцениваться как безнравственные, варварские, недостойные человека... Осознанно участвовать в войне, значит обнаружить и удерживать в *себе* фундаментальную пропасть между *мной* как винтиком машины войны, исполняющим приказы, и *мной* как единственным неповторимым существом,

² Цлаф С. Книжник из Смерш. Галерея родственников / Проза.ру

которое никакой приказ не освобождает от личной ответственности за совершенное....

На фоне трубно звучащей пропагандистской патетики героического растворения в *мы*, принимая пафос войны как *свой*, он в пол голоса проговаривает, вероятно, только для *себя* строки, названные в сборнике «Из заветов 42-го или 43-го года»:

Гол.
     Бой.
         Голубой.
 Свет.
     С ветром.
         Он-мой.
 Миллионы сердец.
 Тысяч убитых
     и тысяч одиноких.
 Куда оборванные страсти деть?
 Куда их смыть?
 А?
     Голубое небо –
         Заместитель Бога?

В стихотворении происходит снижение патетики войны в тихом голосе частного одинокого человека, остро ощущающего своё одиночество под бескрайним изумительно голубым небом – тебя убьют сейчас или через час, а оно так и останется невозмутимо прекрасным... заместителем Бога...

Поэтический контрапункт оглушительно трубящего из репродукторов бравурного марша и этих слов звучащих про себя (в глубинах внутренней речи) и про *себя* как уникального смертного существа, задаёт осново-полагающую апорию поэтики библеровского *само-узнавания себя* как участника войны, определяет специфику авторства первой рассматриваемой мной страницы его био- графии как произведения жизни. Для меня важно, что центром (началом) этого произведения был не автор, например, автор приведённого стихотворения, а частное лицо – ВС, сознание которого удерживало контрапункт «я» и «мы»... Жизнь этого частного лица на фронте сохранил и в прямом, и в переносном смысле томик И. Канта. Защитил не только от эссесовской пули, но и от растворения в варварской стихии войны.

Война закончилась. Возникла новая жизненная ситуация, позволившая ВС опомниться, т.е. вспомнить своё философское образование и призвание, вспомнить иного *себя*, себя как философа. ВС прилагает невероятно рискованные усилия, игнорируя свои служебные обязанности с тем, чтобы заставить начальство, которое не собирается терять ценного сотрудника, уволить его из армии. Дать возможность стать аспирантом Института философии... Он пере-выбрал *себя*, он хотел стать аспирантом Института философии. И он все-таки из СМЕРШа вырвался, вырвался из Берлина с кучей книг. У него потом даже были проблемы, зачем ему столько немецких книг нужно? Это был один из важнейших переломных моментов его жизни. Думаю, что неслучайно в центре его понимания идеи культуры, как и идеи нравственности стоит радикальный пере-выбор себя. Превращение жизни в ответственное произведение. В этих философских идеях позднего периода своего творчества, он выговаривал свой глубоко личный опыт.

В результате рискованного ответственного поступка возник *автор* философских произведений. Этот автор, сбежавший с передовых позиций борьбы с вражеской агентурой, занимает место в рядах борцов с буржуазной идеологией, ревизионизмом.

Можно упомянуть характерный заголовок публикации из «Философских записок Института философии» 48го года «Поход господ шумахерцев против демократии и социализма». Тому же автору принадлежит кандидатская диссертация ВС. Когда в начале 90х годов в Институте философии происходили странные события (уничтожались архивы – вероятно было, что скрывать), мне удалось раскопать в грудё документов и диссертаций на выброс кандидатскую диссертацию ВС, которая по объёму была где-то около 400 страниц. Тот же язык автора – борца с «шумахеровцами». Стилль, словарь, обороты речи, которых не только у него, но и у завязтых борцов с буржуазной идеологией уже к началу 70х годов прошлого века не сохранилось. Сейчас никто на этом языке уже не говорит. Но в этом борце с ревизионизмом в какой-то исторически конкретный момент частный человек (ВС) переопределил себя в качестве автора – как Я, как сам, создав ещё одну страницу своей биографии, воплотившись в текстах как весьма специфичный автор диссертации и первых публикаций. Потом, идеологизированную позицию такого вот «автора» ВС подвергнет уничтожительной критике с позиций автора идеи личной ответственности как трагического выбора себя в горизонте культуры...

Однако, считаю, что и этот голос ВС при всех его исторических ограниченностях защищён от «снятий» на тех же библиеровских основаниях, на которых в культуре сохраняются «голоса» авторов различных исторических эпох.... В ситуации послевоенного благодушия ВС, как и многие его сверстники, как и те, кто родился после войны – забыли, вытеснили из сознания правду войны...

Хочу напомнить, чтобы не было иллюзий. Придёт час, на кон будет поставлено для мыслящего главное – не его жизнь и не жизнь его близких, а судьба той речи, в которой все мы, думающие и пишущие, были, есть или хотя бы – можем быть...

Анна Ахматова, которую ВС не очень привечал, выговаривает неизбежное своим глуховатым голосом пророчицы:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

... неуважение и третирирование языка других, которые в своей родной речи, как идея (в философском смысле) были, есть и могут быть, по-рождает врагов и возрождает дух войны...

Опасно забывать – слово есть та стихия, которая обладает онтологической мощью мягкого знака, превращающего *быт* в *быть*. В нем и через него возникает своеобразная идея смысла жизни, спасения, идея души, мышления и духовности – особый проект человека *быть собой*. Если *наше* слово умрёт – то мы все, говорящие на своём родном языке, вместе со всеми предками и неродившимися потомками, друзьями и врагами ляжем в безгласную небратскую общую коммуналку могилы исторического забвения... Мы, говорящие, думающие и пишущие на родном языке станем жителями ещё одного «урарту», сгинем, не оставив живого слова. Сохраним свою речь и своё

родное слово — значит спасём для себя и следующих за нами ту порождающую стихию языка, в которой укоренена пушкинская «лира» — наше своеобразное место встречи с собой, другим и миром в мистериальном событии рождения голоса на кончике пера... Ту основу, в которой «весь я не умру»³.

Если же основа поставлена под угрозу уничтожения, а линия фронта одна — к примеру, между гитлеровской Германией и сталинским СССР или в другом геополитическом безумно-маразматичном раскладе, то, при всём отвращении к вождям и лидерам с неизбежностью возникает вызов судьбы — стать воином... В этой предельной экзистенциальной ситуации будет слышан голос ВС-воина как голос правды ... (не про нас будет сказано)...

Но, ещё раз подчеркну, что этот голос, сливавшийся с другими такими же голосами в дружном хоре идеологических борцов, ещё не сменивших своих фронтовых шинелей на частные драповые пальто, никогда не был одnogолосым. Лишенные всякой потетики, звучащие не с линии фронта, а *из ниоткуда* стихи на другой голос — голос другого ВС звучат в его берлинских стихах 46 года:

Листья тихо сквозили сквозь мозг.
Шелестели по стенкам извилин.
Я опомниться даже не смог,
Как они всю душу размыли.

Топнул лес желтоватыми пятками,
Ткнул в зрачки берёзовым посохом.
И с ума, на старости спятив,
Пошёл по душе как посуху.

Он уходил к истокам сознания.
Земную тягу сжимая в ладони.
Высоко подняв небесное знамя.
Голубое. Хрустящее.
И ледяное.

Земля, далёкая как в телескопе,
Боишься упасть с небесного тела.
Медленно падают жёлтые хлопья —
Мозговые извилины ясностью стелят.

В этом стихотворении, которое по ждановским меркам, если было бы опубликовано в то время, представляло собой «проповедь безъидейности» слышен голос другого ВС — частного лица. Именно он, вступая в речи про себя (в двух выделенных выше аспекта) в конфликт с главным, публичным голосом ВС, «прочищал глотку» (частое выражение у ВС), восстанавливал в сознании трагический контрапункт эпохи....

К счастью для ВС, начавшаяся борьба с космополитизмом не позволила ему раскрыть и творчески развить свои способности в качестве автора — идеологического борца. Он не смог в Москве найти работу по специальности. Поэтому, получив

---

³ здесь использован фрагмент рассуждения из моей статьи в «Архэ б» «Голос, рождающийся на кончике пера: философско-антропологическое размышление о природе интеллигенции»

приглашение от друзей, перехал в Сталинабад. Этот переезд обозначил новый перелом в жизни *ВС*, *создал возможность нового радикального пере-выбора себя*.

Происходит этот пере-выбор себя как ответ на очередной вызов судьбы. Родившийся в голове «великого учителя», разоблачивший подлинную «сущность» *ВС* окончательный и не подлежащий пересмотру приговор – «безродный космополит, то есть еврей» в голове философа пере-осмысливается, ставится с «головой на ноги» самостоятельного мышления как формула самосознания – я философ, еврей, то есть космополит, безродный гражданин мира, в речи которого этот мир обретает себя впервые...

Автор как непримиримый борец с «шумахеровцами» исчезает и возникает совершенно иной, говорящий на ином философском языке – космополитическом языке диалектической логики. Человек Библер тот же, а автор Библер – иной. В его языке звучат Маркс и Гегель. Упомяну название сталинабадской книги тех лет «О системе категорий диалектической логики». Выскажу свое личное мнение. Тенденция, возникшая в конце 50-х, в начале 60-х годов строить системы категорий диалектической логики, имела серьёзные философские и, одновременно, личные мотивации, связанные с новой исторической ситуацией.

Думаю, что для таких как он честных коммунистов, честных и принципиальных марксистов коммунистического толка конца 50-х, начала 60-х годов очень важно было попытаться построить систему категорий диалектической логики с тем, чтобы сохранить – защитить себя именно как марксистов. Обратиться к первоисточкам марксизма, Марксу ранних произведений. К началам. Представьте, что начав с некоторого элементарного начала, (Ильенков, к примеру, предлагал начать с понятия «товар»), в котором как элементарной ячейке воплощена вся последующая система диалектики, можно воспроизвести эту систему в целом. Марксизм в его логической целостности. Здесь были разные подходы, но важен следующий момент - дело в том, что если мы начнем правильно и правильно логически воспроизведём всю систему категорий диалектики, то есть всю внутреннюю структуру марксизма из её собственных оснований, то мы, мягко говоря, отставим в сторону, как не имеющие отношения к *существо* дела (существо марксизма), все эти решения пленумов, труды вождей, съездов партийных, всю эту идеологическую болтовню, в атмосфере которой они все тогда жили.

После XX съезда для многих философов–марксистов возникла глубоко личная задача - необходимо было вылучить живое содержание марксизма из кучи всяких мерзостей, преступлений и окаменелостей сталинизма (из себя, впитавшего и пережившего свою эпоху), чтобы спасти и живой марксизм и *себя*, свою *самость*...

Проект *себя* как подлинного марксиста, защищённого бронёй диалектической логики, просуществовал недолго. Днём рождения его стал XX съезд, днём смерти – день введения советских войск в Чехословакию (живой марксизм был уничтожен гусеницами советских танков), днём похорон – день самоубийства Э.В. Ильенкова – последнего большевика...

Эпоха вос-требовала иного *себя* как ответственного автора *своей* био-графии... Стихотворение *ВС* «Наше поколение» свидетельствует о болезненном трагическом процессе изживания *себя* как марксиста...

Наше поколение –
исторических материалистов –
Безоговорочно верило в героев и вождей.
В наших извилинах
вместо собственных мыслей

Возгонялись призраки
персонифицированных идей. Эти
высокие гордые тени
Впритык заселяли
и души и стены...

Лезвие бритвы. Усталая пристальность
Взгляда,
державшего вас на прицеле.
Аскет. Справедливец. Фанатик истины.
Рыцарь революции –
Железный Феликс.

Интеллигент из рабочих. Синяя
косоворотка. Беседа как в чайной, -
без торопливости и обмана.
Усталая улыбка, стариковская тросточка.
Всесоюзный староста –
Михаил Иванович.

.....
Взглянешь в лицо –
как рану откроешь, -
Лобастый. Стремительный. Широкоплечий.
Рабочий трибун.
незабвенный Мироныч,
«Любимец партии и народа».

А в окружении легенд и формул, -
Точная копия
собственных бюстов, -
Вождь, -
облачённый в защитную форму, -
«Ленин сегодня» - как сказано у Барбюса.

Как ни раскидывай, куда ни спасайся, -
Всё тот же расклад рокового пасьянса.
Налево ложится Феликс Эдмундович, -
Значит – бдительность.
Киров – направо, -
Опять же – бдительность!
Высшая мудрость.

Единственный долг, единственное право,
На которое нынче имеет право
Гражданин окруженного врагами Союза.
Вместо права выбора.
Мысли.
Союзов.

Чапаев в бурке. Калинин с тростью.
Тройка. Четвёрка. Дама червей...
А если – сомненья –

по пунктам, по строчкам
Сталин
в нашей
распнёт голове.
Ясно и просто – десять значений, -
Шесть условий, -
двенадцать причин, -
Брошена мысль в семинарский застеночек, -
прочти, - продумай, - опять перечти.
Потом, -
вздохматив усталые космы,
Выискивай в рубриках
новые грани...
Сталинский текст
безграничен как космос.
Творчество – это
всегда –
толкование.

.....
Но если вдруг не помогут легенды,
Если откажет гипноз поколенья, -
Ежели слишком интеллигентны, - Тогда
обратитесь
к товарищу Ленину.
Это Вам будет
не семинария, -
Тончайший настой
из марксизма и Тацита...
Хлебнёшь -
и в мыслях взойдут семена
Высокого действия,
мистерии,
«революционная ситуация».
Взойдут семена, всклокочут легенды...
В новый
Ноев Ковчег
взбудоражится Смольный.
Великие,
несчастные
русские интеллигенты, Шеренгой
под знаменем, -
в 37-ой.

Чапаев в бурке. Калиныч с тростью.
Тройка. Четвёрка. Дама червей.
Остаток мыслей
по пунктам, по строчкам
Сталин в нашей распял голове.

.....
Когда разменяли

двенадцать миллионов
 В четвёртом акте
     Великого Действа, -
 Опять бормотали –
 «Взвихренный Смольный.
 Враги. Окруженье.
 Счастливое детство»!

Потом,
     припёртые к стенке фактами, -
 В стране хулиганов,
     взяточников,
         антисемитов, -
 Молчали, -
 растерянно и виновато, -
 И снова шарахались
     собственных мыслей.
 Устало верили
     в маршала Жукова,
 в Мао Дзе-Дуна,
 в Фиделя Кастро...

Вот и всё.
     На душе одиноко и пусто.
 Больше некому верить
     и некому каяться.

... Наше поколение –
     исторических материалистов –
 Недоуменно сходи с исторической арены, -
 Мальчики. Фанатики.
     Мученики. Садисты.
 Изредка заклиная –
     «А всё-таки, - Ленин...»

.....
 На всякий случай, -
     уточню мою мысль, -
 «Вот так изживается
     исторический материализм».
 Каждый свою доживает судьбу...
 Какая ни есть...
     Но
     каждый
         свою.

1967

... Лично для меня знакомством с ВС стала встреча с четвёртым автором моего рассказа – автором трёх глав в книге «Анализ развивающегося понятия» под ред. Б.М. Кедрова. Несколько раньше вышла его (ВС) статья в «Вопросах философии» «Понятие как процесс» (1965), но я с ней не был знаком. Я читал книгу «Анализ...» в Ленинской

библиотеке. Заодно заказал сталинобадскую книгу. Разные книги, разные «авторы». Не мог понять их связь... В «Анализе...» осталась диалектика как логика, позволяющая застигнуть движение в движении самого понятия, осмыслить зеноновские апории как всеобщую форму представления любого движения в качестве пространственного перемещения, но исчезла система. Место системы заняла (это известно из «Заметок в прок») ... энигма. Подобного рода загадки (или «энигмы» в терминологии В.С. Библера) лежат в «начале» любого логического рассуждения. Они побуждают мысль работать, ориентируют ее в определенном направлении, но не предрешают полученных результатов. Фундаментальная загадочность бытия как парадоксальное начало содержит в себе возможности для практически необозримого многообразия логических раз-решений...

Рождение пятого автора моей экспозиции, совершенно другого философа совершается тогда, когда заочным собеседником ВС становится М.М. Бахтин. Происходит радикальное преобразование философского взгляда на мир. Поэтику этого преобразования описывает библеровская присказка – формула «те же и Софья...». Тот же частный человек ВС, вступив в беседу с Бахтиным, открывает для себя новую вселенную особой логики гуманитарного мышления, столь же всеобщую как и логика научного разума, а следовательно возникает пере-открытие *себя*. В книге о Бахтине ВС неоднократно подчёркивает, что основные идеи и мысли Бахтина рождались не в академических институтах, а в кружках – Невеле, Витебске, Питербурге .... Явная отсылка к тогда организованному им кружку «диалога культур», в котором его идеи получили первую обкатку и наиболее адекватное выражение ...

Разные произведения ВС – это разные вселенные, каждая из которых почти не пересекается с другими. Но все они входят внутрь особого рода произведения – биографии Владимира Соломоновича Библера. Было ли что-то связывающее это произведение в нечто целостное? Предположу, что на это целое указывает несданный им партбилет, но не как свидетельство о членстве в коммунистической партии, которую уже при его жизни стали относить к преступным организациям, а как знак верности делу революции... Он жил революцией – прежде всего в искусстве 20х годов... Не случайно, что оценивая ситуацию начала 21го века, он именно революционный авангард 20х годов рассматривает как точку отсчёта – Пастернак, Маяковский, Мандельштам, Цветаева, Шагал воплощают трагическую поэтику революции...

Революция и Библер по сути и по смыслу ровестники и современники...

....

Собственно говоря, в этой библеровской революционности и лежит основание бытия таким *собой*, которому *бытие* не дано, но лишь загадано как возможность (возможность) само-стоятельно *стать* автором своей био-графии как особого рода произведения культуры. Эта возможность как *cause sui* принадлежала частному лицу ВС, в усилении которого к бытию (конатусе) в ответ на вызовы эпохи рождались упомянутые выше пять авторов...

Позволю себе, придерживаясь существа дела, задать странный и неудобный для адептов логики диалога культур вопрос: «Мог ли был *быть* шестой проект ВС бытия *собой*? Совсем не тот, что узнавал себя в авторе концепции философского мышления и логики культуры как диалога культур? ... Думаю, что он, как ясно из текста, всегда уже был, но «числился в нетях» - это проект конечного человеческого существа - В.С. Библера, родившегося 4го июля 1918 года... Несмотря на свою человеческую *уязвимость* и *конечность* именно ему принадлежала онто-поэтическая *инициатива* в про-из-ведении различных библеровских проектов бытия *собой*. Особые, несводимые друг к другу миры рождались в его *усилии быть собой* и... гасли... Полагаю, что предчувствие этого иного автора у ВС возникало и, пожалуй, преследовало его. Оно не

стало бы логически необходимым выводом из предшествующей идеи философской логики, логики культуры как диалога культур.

Мне представляется, что оно постепенно, подспудно созревало в горизонте радикального вызова – угрозы *смерти*. Предположу, что в горизонте именно этой угрозы, в её постоянной близости подспудно созревало *пред-чувствие* иного *себя*, которому судьба не позволила родиться. Это *пред-чувствие* звучит в заключительных словах его последнего доклада о Спинозе⁴ – «И всё же смерти *нет!*»

Ведь как только это *нет* сказано, то явно чувствуется фальшь, требующая разоблачения... И всё же она *есть*. Но это *есть* принадлежит не мышлению, которое может элегантно а ля Гегель разыграть диалектику бытия и ничто в становлении, но человеческому *естеству*. В частности *мозгу* ВС...

В мире, в котором человек бытийствует в мысли – смерти нет, но она для него *присутствует* (вспомним словечко В.В. Бибихина) в основополагающем *настроении ужаса* ... Ужас звучит во многих стихах ВС в модусе его героического преодоления... Не случайно также – первое и последнее стихотворение его сборника называется «Заклинанием»⁵ и посвящено мозгу как особому микрокосмосу, стихии, как условию возможности мыслить и, об этом в настроении ужаса утверждается путём умолчания, как причине неизбежной смерти. Мозг как поэтический герой появляется у ВС раньше. Если судить по сборнику, то не позже 46-го года. В тексте, но главное меланхолической «осенней» («желтые пятки» леса, медленно падающие «желтые хлопья») интонации стихотворении, которое мной выше воспроизведено, звучит ужас смерти, растворения в природе – в извилины *мозга*, в начала души проникает листва, уходя к «истокам сознания» - бесконечной и безразличной, порождающей и уничтожающей порождённое природе, как и в «Заклинании...» военного времени представленное образом прекрасного «голубого», «хрустящего», «ледяного» неба... Бога?

Это настроение интонирует *путь к себе* как *бытие-к-смерти* конечного человеческого *существа*, *сущность* которого продолжает жить в порождённых им (этим существом) голосах авторов превосходных произведений (именно для них - «*всё ещё только начинается*»)..

но его творческое, онто-поэтическое *существование* обрывает тромб в сосуде мозга, который, несмотря на свою желеобразную фактуру, оказался убийственной свинца эссесовской пули...

...
 О, МОЗГ. –
 Микрокосм.
 Из лона начал
     Излучай
         Начало.
 Поглощай
 Щелк щегла.
     Траву утр.
     Древ ветр.
     Листьев мысль.
     Света весть.
         Свет весь.-
     Весь - до малого.-

⁴ у меня хранятся заметки, которые я делал для себя, слушая его выступление.

⁵ Заклинание – это магическое слово, которым пытаются предотвратить неизбежное...

Перемалывай.
Прок и лад его
Проглатывай.
    За года
    Загодав.-

И тогда
    Весь этот сев.
    Вес весь.
    Превратив.
    Претворив.
        Все – от начала –
        переинача.
    Все,
        вместе, -
    Мы с вами и я
    Пере-осмыс-ли-ва-я.

Из нутра
Из утрат
    Боль излечив
    Вновь излучи
        Свет идей
        Свет
            свобод.

Что ни день –
    Снова бодр.
    Снова добр.
    (Меч мечт у бёдр).

Чтоб
    Смог.
    О, МОЗГ.

4 июля 1985